

Спас ее куст. Или не куст вовсе, а молоденькое совсем деревцо — неважно, какое-то растение, небольшое, но цеплючее. А деревцо, не деревцо, она не ботаник — так что пусть будет куст! Тем паче что он так, зараза, вцепился, что пришлось долго с ним копошиться, пытаясь отодрать от одежды, и, поверьте, это занятие совсем не располагало к задумчивому рассматриванию растения и выяснению его классификации. Это уж точно!

А все потому, что она забрела подальше, углубившись прямо в заросли какие-то. Намеренно, разумеется, и вполне обдуманно.

Группа сделала привал на понравившейся ей небольшой, практически ровной, как стол, скальной площадке, нависшей карнизом высоко над рекой, бурлящей в порогах бурунами водных брызг. Место называлось Бараний Лоб, что ему очень подходило, потому что эта выступающая над крутым обрывом скала с определенного ракурса сбоку и на самом деле напоминала выставленный вперед лоб тупой, упертой бараньей башки.

Парни наперебой принялись уговаривать встать прямо здесь лагерем, сильно впечатлившись открывающейся, прямо-таки завораживаю-

щей панорамой дикой природы. Но дядя Миша, их неизменный и надежный проводник, помотав отрицательно головой, усмехнулся с явным сарказмом и коротко констатировал:

— Не пойдет! Красиво, а как жить, у нас тут везде красиво, куда ни глянь, но жопы отморозите на каменюках этих, — и махнул ручищей своей, как на деток неразумных, глупость сболтнувших. — Баловство!

«Ну, а кто еще? Дети, конечно», — вздохнула про себя безнадежно Степанида и тоже махнула рукой, распоряжаясь:

— Привал десять минут, и идем дальше.

Жестом показала дядя Мише, что она в кустики по нужде, тот в ответ кивнул и полез в свой доисторический брезентовый плащ за табаком.

Да, «мальцы», как называют тут местные ребята, какие-то прямо неугомонные, это точно, — рассуждала Стеша, углубляясь в заросли, — да детский сад вообще! Троица по двадцать одному году, старшему в группе двадцать четыре, и вроде бы мужик здоровый, жениться собрался, с претензией на солидность и разумность, аспирант, а такое же дите, как и студенты ее баламутные. По крайней мере, подписывают они его на все свои задумки и проказы шептуньи влегкую, на раз-два, даже на понт не берут или слабо — задурят голову ученую, что-то там с умным видом насочиняют, и, глядишь, он уже «в деле».

Ну, понятно, что мальчишкам скучно без привычного драйва столичного: ни тебе интернета скоростного, связь вообще прошлый век, докричаться проще, чем дозвониться, гаджеты, как

хлам, лежат пылятся, ни клубов, ни тусовки, ни переписки активной в соцсетях — тоска-а-а. Глухая таежная деревня, в которой группа зависла на долгий месяц.

И хоть уходят они в тайгу на работу на несколько дней с ночевками и длинными переходами, а уж там не заскучаешь особо: отмотаешь по дикой местности десятки километров с тяжеленным рюкзаком и аппаратурой на горбу, а потом так упахаешься за день, что еле ноги до спальника в палатку дотащишь, но парням все равно скучновато. Вот они и резвятся от души, придумывая развлечения разные, порой слишком неумные и не совсем безобидные.

Но Степанида по большей части смотрела на все их выкрутасы сквозь пальцы и излишней строгости руководителя не проявляла понапрасну — пусть себе, главное, чтоб без перебора и никого из местных не задевали. Вот, оберегаясь от такой активности своих подчиненных, она и полезла подалее от стоянки, а то с этих оболтусов станется подсмотреть, как начальница в кустиках пристраивается и штанишки спускает. Нет, сам процесс они вряд ли станут наблюдать, но подшутить, шугануть с облюбованного места, разыграть это запросто могут. Потом, разумеется, извинятся, но пожрут от души, а то! И не преминут после пройтись по ее фигуре и пятой точке намеками да смешком, но вроде как соблюдая положенное уважение к руководителю. А как же! Хоть какая развлекуха!

Она хмыкнула таким мыслям и покрутила головой, улыбаясь: ну, мальчишки, пацаны, что с них

возьмешь! Она вон даже рюкзак не сняла и на привале не оставила, на автомате так и потащив на спине, хоть устала от него уже зверски.

А потому что уже не раз сталкивалась с приколами этих «детишек» — то лягушек они ей в рюкзак насовали, и когда на привале Стеша открыла клапан, они как принялись оттуда выскакивать, громко квакая. Она тогда отскочила ланью перепуганной с визгом! Вот парни ржали! Даже невозмутимый дядя Миша похохатывал. Потом был ужик в боковом кармане, но тут уже Степанида не растерялась и скакать-визжать не стала, а, поймав рептилию, кинула ее прямо Андрею Торгину, главному идеологу и заводиле всей этой компании, в руки.

Тогда завизжал уже от неожиданности он. Тоже повод для веселья и дружного гогота.

И завязанные узлами рукава ветровки, и ржавый дырявый котелок вместо пригодной посуды — вот такая вот у нее в подчинении младшая группа детского садика «Василек», в официальных документах благородно именуемая научной экспедицией.

Но рюкзак теперь Стеша без присмотра не оставляла, так и таскала даже в кусты.

Все улыбаясь своим мыслям, Степанида забрела довольно далеко, скинула надоевший до зуда в спине рюкзак и уселась под кустиком у дерева по малой своей природной нужде, как называет это действие их проводник. А когда поднималась, этот самый куст вцепился в петли на поясе ее брюк, причем так крепко, словно отпускать не хотел — типа: «Эй, ты куда собралась, дорогая? Ну, поиграй

тут со мной, посиди еще чуток, поговорим, подумаем!» Она рванула раз, два — ни в какую!

Пришлось две руки заводить за спину и на ощупь пытаться отодрать привязчивые ветки. Но они никак не поддавались. Стеша уж тихо поругивалась сквозь зубы и проваландалась с этим кустом незнамо сколько времени, еле сдерживая естественный порыв рвануть к такой-то бабушке со всей дури свои штаны из этих веток! Сдержалась. Расцепила как-то.

Поправила одежду, закинула на одно плечо рюкзак и пошла к стоянке.

Шум бьющейся в порогах воды все нарастал по мере ее приближения к временному лагерю, а вокруг царил умиротворяющий, настраивающий на возвышенный лад природная гармония. Стеша вдыхала полной грудью чистый, пьянящий хвойный воздух, смотрела на деревья, стоявшие гордым войском посреди каменных россыпей, и чувствовала некое особое состояние, какое наступает, когда вот так близко соприкасаешься с первозданной, нетронутой природой, словно чистишься душой, и что-то звенит внутри от этой удивительной красоты...

И вдруг, разбивая в хлам все хрустальное умиротворение и спокойствие, прогремел выстрел! Казалось, что прямо прогрохотал, как взрыв, чужеродным, совершенно неуместным посреди всей этой тишины и гармонии звуком!

Со стороны их привала!

Она замерла на месте, оторопев от неожиданности.

Да что там у них такое?! Зверь какой, что ли, вышел? Или...

С вариантами было туговато — любое «или» могло случиться, любое!! Черт! Да в этой дикой тайге что угодно может случиться!

И вот что бы вы сделали при таком раскладе? Правильно — побежали бы, да еще как, немедленно выяснить, что происходит, что случилось там у ребят... Нормальный человек, к тому же отвечающий за всю эту компанию, разумеется, во все лопатки припустит вперед разобраться в проблеме.

А она вот не побежала. Наоборот, надела рюкзак, как положено, на оба плеча и двинулась вперед медленно, внимательно оглядываясь по сторонам, тщательно прислушиваясь и стараясь ступать очень осторожно, глядя, куда и как наступает, обходя сухие ветки на земле, чтобы производить как можно меньше звуков.

Вот такая девушка. С детства доведенное, закрепленное до уровня инстинкта, до рефлекса правила, практически закон жизни, втолкованный ей — не знаешь, что за ситуация, происходит нечто непонятное, странное или пугающее, или тебя что-то сильно насторожило? Прежде чем кидаться от дурной башки без разбора и выяснять методом наскока и дурака «что там такое», ударившись с разбегу лбом об обстоятельства, — оцени обстановку, разведай и узнай все, что можно, пойми, что происходит на самом деле, реально взвесь свои силы, шансы и возможности в данных обстоятельствах и только тогда принимай решение и начинай действовать. Только тогда!

Папенька родной постарался, обучая таким вот правилам жизни. Ну и как действовать и прини-

мать решения, тоже не забыл научить. Но это тема отдельная.

Осторожно продвигаясь вперед, Степанида уже отчетливо различала незнакомые мужские голоса, громко кричавшие хозяйским тоном, отдававшие какие-то приказания, и уже отчетливо понимала, что происходит нечто совсем хреновое. Из ряда вон какое хреновое! И главное, пока непонятное.

Стеша согнулась чуть ли не пополам, в полуприсядку пробираясь поближе — уже за деревьями просматривалось какое-то мельтешение фигур, но неясное, и слова различить было никак невозможно, кроме отдельных матерно окрашенных выкриков незнакомцев. Она остановилась. Присела на корточки и принялась осматриваться в поисках более удобной позиции, с которой было бы возможно увидеть все более отчетливо, при этом самой оставаясь незаметной.

Так. Слева от нее, уходя вперед до самого обрыва, над рекой тянулась каменная гряда, поднимаясь метра на три, влезть на нее, конечно, можно и вполне реально, но это займет довольно много времени, и не факт, что оттуда будет все видно, а уж про то, чтобы слышать что-то, и вовсе забыть нужно — далековато. Справа же каменные глыбы хоть и попадались, но одиночные, разбросанные среди деревьев, а не сплошным массивом, а вот деревья...

Так, деревья — это уже лучше.

«Возможно!» — повторила мысленно себе Стеша и осмотрелась уже более конкретно с этой самой мыслью.

Подходящий под задачу объект обнаружился после того, как она, со всей осторожностью, практически ползком, продвинулась еще немного ближе к лагерю. Рюкзак Стеша припрятала в небольшой расщелине между камнями и поваленным стволом старой ели и даже присыпала сверху сухой хвоей и прошлогодней листвой для большей конспирации, предварительно вытащив из него маленький, но мощный бинокль и цифровую видеокамеру.

Все это разведывательное добро повесила себе на шею и чуть ли не по-пластунски подобралась к самому крупному дереву, стоявшему аккурат у края каменной площадки, которое предварительно и высмотрела для проведения рекогносцировки, ползая тут, как партизанка какая.

«Кажется, это пихта или кедр?» — пришла в голову странная отвлеченная мысль. Стеша даже головой помотала от удивления и возмутилась: «Ты что, Степанида, обалдела? Ты еще про пестики-тычинки порассуждай давай, самое время!»

От испуга, что ли? Да вроде и не очень она испугалась.

Напряглась, понятное дело, нервничает, но чтобы бояться уж так, чтобы прямо страшно-страшно, — такого точно нет.

Когда задумал залезть на дерево, замечательно, если на его стволе имеются ветки и желательно поближе к земле. Ветки на облюбованном дереве, понятное дело, имелись, но назвать их удобной лесенкой к вершине нельзя было даже с большой натяжкой.

А куда деваться? Охо-хо-шеньки!

Перекинув на спину бинокль с камерой, кое-как цепляясь за торчащие из ствола пеньки-обрубки обломанных временем и стихиями ветвей, перемазав все ладони и куртку спереди смолой, стараясь производить как можно меньше шума, Стеша смогла-таки добраться до толстых веток и по ним подняться повыше и даже вполне удобно устроиться на одной из них.

Она не ошиблась — с той точки, где она осторожно усаживалась на удобной большой ветке, плоская каменная площадка над обрывом была видна как на ладони. Вообще Стеше очень повезло, что все эти ее карабканья никто не услышал и не увидел — дерево стояло совсем близко к площадке, выручил фоновый шум от бурлящей внизу реки, ну, и общая занятость людей на площадке, о которой можно было догадаться по непрекращающемуся матерному крику.

Еще не рассмотрев все толком и не поняв, что там творится у них внизу, Степанида сразу же включила видеокамеру, настроила ее, навела картинку на площадку и выставила звук на максимальную громкость записи.

И вот тогда-то, когда наконец через экран камеры, приблизив и увеличив картинку, девушка рассмотрела в деталях, что именно там происходит и как, она обалдела от непонимания и прокатившего по спине холодом испуга.

Что за дела-то такие?! Что происходит-то, а?!

Сердце заколотилось перепуганно, и кровь шибанула горячей волной под колени! От неожиданности и страха она чуть равновесие не потеряла.

Пришлось ухватиться свободной рукой за дерево и прижаться к стволу боком.

И в этот момент ветер, как по заказу, подул в ее сторону, и все разговоры внизу стали слышны довольно ясно и отчетливо.

Четверо абсолютно незнакомых ей мужиков, явно местных каких-то, все в охотничьей снаряге, с охотничьими ружьями, громко матерясь и отдавая приказания тоном наехавших бандюков, кошмаря психологически непрерывным ором, подталкивая прикладами ружей в спины, поставили ребят на колени в ряд. А чуть в стороне, ближе к краю площадки, Степанида заметила лежавшего неподвижно на боку Михаила Евгеньевича, так и не снявшего своего рюкзака с плеч.

Бывший егерь вообще не любил «попусту поклажу тревожить», как он частенько говаривал: «А зачем? Приладил добротню к спине, чтоб не елозил, не бил по-глупому, и ходи себе», уж тем более на таком небольшом привале, на один перекур.

Она навела на дядю Мишу видеокамеру, увеличила максимально картинку, но так и не смогла понять, жив ли он вообще, дышит ли. Это в него, что ли, стреляли? Но как ни присматривалась, крови не заметила.

— Где девка ваша?! — орал один из воинствующих незнакомцев на аспиранта Витю, стоявшего перед ним на коленях.

И тут же без предупреждения, с короткого замаха ударил кулаком его в челюсть. Судя по уже текшей из уголка губ по подбородку Вити струйки крови, бил он его не первый раз. Голова парня дернулась, а Шешка ахнула от неожиданности и

возмущения, но тут же сильно прикусила губу — нельзя!

Нельзя себя выдавать! Никак нельзя! Поймают же! И кто мальчишкам тогда поможет?! Она тут сидит как на насесте, если кто-то из этих бандюков посмотрит вверх и приглядится повнимательнее, ее сразу же заметят! Сразу!

— Я спросил, где девка?! — проорал мужик.

Витя сплюнул кровавую слюну, вытер губы, посмотрел на кровь на пальцах и довольно спокойно ответил:

— Я же сказал: она сегодня на заимке осталась с данными работать. У нас накопилось много данных, их надо периодически обрабатывать, рассчитывать и вносить в компьютер, сегодня ее очередь этим заниматься.

И тут еще один из мужиков подскочил к Аркаше Азовскому, как и остальные, стоявшему на коленях и с расширившимися от ужаса глазами потрясенно крутившему головой, наблюдая за происходящим вокруг, словно не веря в то, что это происходит на самом деле. В его жизни, в реале! Он даже не успел ничего сообразить и отреагировать как-то, хотя бы попробовать отклониться, когда получил мощный удар в челюсть, от которого свалился кулем набок. Мужик, здоровый, как лось, ухватив Аркашу за шиворот, тряхнул его, как куль с мукой, приподнял и снова усадил на колени и, не отпуская его ворота, наклонился и проорал ему на ухо:

— Он говорит правду?! Девка ваша где?!!

— До-о-ома осталась!! — заорал во все горло от испуга Аркаша. — Честное слово, дома!! У нас работы много, данных!! — и неожиданно всхлип-

нул, как перед истерикой, чуть не заплакал, но сдержался.

Мужик тряхнул его еще разок, отпустил и посмотрел на напарника, который бил аспиранта Тюрина.

— Похоже, на самом деле девка не с ними. Что делать будем, Чума?

— А что будем? — спокойно ответил тот, отошел от Вити и уселся на рюкзак кого-то из парней. — Что решили, то и будем. — Достал нетопливо сигареты и зажигалку из кармана камуфлированной куртки, по типу военного образца, которые в этих местах носят большинство охотников, закурил, сильно затянувшись, выпустил дым и пояснил расклад дальнейших действий: — Вызовем его, как и решили. Он все равно понесется их выручать, что с девкой, что без нее, а дальше все, как и планировали, — и хохотнул. — Жалко только поскучать придется, пока ждем, с бабой-то время веселее провели бы, — и добавил матерно, как именно они собирались весело проводить время в присутствии Стеши на этом «празднике жизни».

— А может, и повеселимся, — предположил еще один участник бандитской группы, подходя к сидевшему, и пояснил, перемешивая свою речь матерными составляющими: — Если она узнает, что ее пацаны куда-то вляпались и у них проблемы, то, может, с егерем вместе и побежит спасать, — и заржал. — Начальница, е...

— Там посмотрим, — не разделил его оптимизма, видимо, главный тут у них Чума и приказал: — Ну-ка, Бык, тащи этого. — Он указал на Витю, все

вытиравшего и вытиравшего тыльной стороной ладони кровь, текущую из разбитой губы.

Его «лосистый» кореш по прозвищу Бык в два здоровенных шага оказался рядом с парнем, ухватил Тюрина за шиворот, как только недавно Аркашу, и поволок за собой по земле. Подойдя к сидевшему на рюкзаке главарю, поставил перед ним на колени Витю, не забыв попинать его и тряхнуть предварительно. Видимо, добиваясь пушного испуга.

— Ты у них тут за главного, когда начальница отдыхает? — глумливо хмыкнул непонятный пока еще до конца Чума.

— Я, — кивнул Витя.

— Как звать? — спросил мужик.

— Виктор, — пробурчал Тюрин.

— Ну, так вот, Витя, — почти ласково обратился к нему мужик. — Сейчас ты достанешь рацию, я в курсе, что у вас армейская КВ-радиостанция с дальним диапазоном и вы постоянно на связи с заимкой, и вызовешь Славина. Скажешь ему, что проводник ваш дядя Миша Куликов упал с обрыва и сильно расшибся. Очень сильно. Теперь лежит весь переломанный, без сознания, и вам требуется срочная помощь для эвакуации. Ты меня понял?

Витя кивнул, мол, понял.

— Молодец, — похвалил мужик. — Объяснишь, что вы могли бы и сами его вынести из тайги, да только не знаете точный маршрут и можете заблудиться. А чтобы ты глупостей не наделал и не сболтнул чего лишнего, мои ребята постоят рядом с твоими мальчиками во время вашего разговора. — Он кивком приказал своим людям выполнять сказанное. «Лось»-Бык и двое остальных

бандитов подошли к стоявшим на коленях Игорю, Аркаше и Андрею. А старший продолжил объяснять Вите дальнейший расклад: — За каждое твое неправильное слово или неубедительную интонацию мы будем отстреливать или отрезать твоим друзьям важные части их тела. Если егерь засомневается в твоих словах или начнет задавать неправильные вопросы, кого-нибудь из них пристрелим. Это понятно?

Витя снова кивнул, не удосужив бандита словесным ответом.

— Опять молодец. Идем за рацией, — и осклабился издевательской улыбочкой. — Я провожу.

«Так-так! — продолжая снимать все очень старательно и наводя крупные планы на лица каждого из бандюков, начала судорожно соображать Степанида. — Зачем им Василий Трофимович понадобился? Да еще так, вызвать в тайгу? Ну, вообще-то...» На этом месте ее мысль забуксовала — разум отказывался принимать единственный напрашивающийся вариант ответа. — Да ладно! — убеждала она себя. — Да нет, не может быть!! Что, они его тут убивать собрались?»

И со всей возможной ясностью и отчетливостью вдруг поняла, чувствуя, как волна страха прокатилась холодом по позвоночнику и вниз по ногам до самых пальцев, — будут! Еще как будут!

Это браконьеры, и не из числа тех, кто постреливает иногда дичь без разрешения для дома-семьи или в компании друзей и так, с оглядкой и остороженько, — нет! Это отморозки полные, опьяневшие от денег и куража своей безнаказанности, способные убить кого угодно — тайга все

скроет и спишет — ищи потом, общешься — пропал человек — и нет, сгинул!

Это такой тип людей, маргиналы конченные, которые кайф ловят от самой погони, охоты за дичью и готовы стрелять в кого угодно, когда угодно и сколько угодно в любой сезон, лишь бы за это отвалили хороший куш.

Эти даже на тигра ходят. Да что там даже — тигр их основной источник нелегального заработка. Туша тигра стоит офигенных денег! Просто офигенных! И китайцы, основные заказчики этих кошачьих, готовы выложить такие деньги в любой момент. И заказывают, суки, поощряют! Хотя не только китайцы.

А поскольку вся деятельность этой братвы не просто противозаконна, но уголовно сильно наказуема на нехилые сроки в местах весьма отдаленных, а уж за тигров так и вообще можно до трясушей старости сидеть, то понятное дело, что браконьеры эти глубоко криминальный элемент, готовые, не парясь никакими моральными и нравственными сомнениями, убить любого человека, вставшего на их пути. Любого!

А Славин не любой и не просто встал на их пути — он умудряется как-то их выслеживать и брать с поличным в момент охоты, доказательства бесспорные их деяний собирать и в наручниках привозит и сдает козлов этих не в городскую полицию, где каждый друг другу брат-сват да друг любезный и «замылить» могут любое дело, а в районную.

На минуточку, если учесть, что программа охраны и разведения уссурийских тигров находится на личном контроле у самого президента, то бра-

вые районные полицейские, а иже с ними и прокурорские, и судьи так дрожат за свои погоны и седалища, что с великой радостью отправляют доставленных Славиним браконьеров под самые суровые статьи, не забыв присовокупить к ним и нападение на егеря с огнестрелом при исполнении.

Василий Трофимович, как только занял пост егеря, на всю область объявил, громогласно и доходчиво, что на его территории браконьеров не будет и он повыведет их, как вошь. Предупредил и велел другим передать. Только за последний год он, иногда вдвоем с помощником, задержал и передал полиции три браконьерские группы по четыре-пять человек, две из которых были не местные, а залетные.

Неудивительно, что браконьеры люто ненавидят Славина! Люто! И они объявили ему войну. Насмерть. Говорят, что даже между собой награду за его ликвидацию назначили. Но это слухи, а может, и не совсем слухи...

Эти убьют. И ради того, чтобы уничтожить Славина, не задумываясь, могут положить и других людей. Они и спланировали всю эту историю с захватом научной экспедиции ради убийства Славина, чтобы заманить в лес и устроить ему засаду.

И бить будут как зверя — на движение, на шорох! Без разговоров и предупреждений — в спину, чтобы наверняка!

Они Михаила Евгеньевича, наверное, уже убили! Не шевелится даже! Стеша постоянно на него камеру наводит, присматривается, а он как неживой. Он этих сволочей в свое время, когда сам был здешним егерем, сильно прижимал, в него и стре-

ляли сколько раз, и ранили трижды, а уж грозили-пугали — и не счесть.

А их научная экспедиция очень «удачно» вписалась в планы этих бандюков! Хотя не было бы их — любую другую группу могли захватить: здесь и туристы-экстремалы частенько шастают, по рекам сплавляются, и людей, желающих отдохнуть от цивилизации, хватает, да и нормальных, законопослушных охотников. Группе просто не повезло.

И тут ее окатило, как кипятком, мыслью:

«А что они с ребятами сделают, после того как со Славиным расправятся?.. — и задохнулась от осознания: — Они же свидетели!..»

Стеша даже головой покрутила — ну не могла она поверить в то, что это возможно! Бред какой-то! Ну не может подобное происходить на самом деле!

Вот так просто, среди бела дня, пусть даже в лесу глухом, но в наше время — это же не гражданская война, не немцы же, в конце-то концов, — кто-то захватывает членов научной экспедиции и серьезно, реально собирается их...

— О, смотри! — загоготал один из бандитов внизу. — Леший наш, похоже, очухался!

Степанида глубоко вдохнула, задержала дыхание, зажмурилась сильно-сильно, справляясь с накатившим приступом паники, страха, отрицания и неверия в происходящее, и медленно выдохнула — надо держать себя в руках, никакого недоумения тупого, сомнений и паники!

Никакой!!

Нефиг, как девица нервная, тут рефлексировать! А ну взяла себя в руки! Может, не может! Есть реальность — вот она! Избитые мальчишки,

стоящие на коленях, с руками, сложенными за головой, и бандюки!

Парни ее прикрыли, предупредили, как могли, специально громко кричали, дали ей возможность спрятаться, уйти, и сейчас она единственная, кто может что-то предпринять, чтобы спасти всех. Ну, не так героически-бравурно — спасти! Она все-таки не спецназовец какой кинематографический, что десятки врагов одной левой побеждает! Но сделать все возможное, чтобы предупредить Василия Трофимовича и попытаться помочь мальчишкам, она должна!

Что-то сделать!! Что-то же она может, обязана сделать!!

Степанида посмотрела вниз и поняла, что дядя Миша жив, пришел в себя и пытается сесть! Значит, не убили, живой! Ура!

Но радоваться оказалось рано.

Двое бандитов, подхватив под руки, протащили Куликова в центр площадки, где стоял их старшой, и швырнули на землю у его ног. Тот присел на корточки, ухватил лапищей дядю Мишу за бороду и подбородок и резко поднял его лицо, так, чтобы смотреть ему в глаза, намеренно сделав больно.

— Ну что, старый хрыч, отбегался? — спросил он и хмыкнул довольно. — Должок у меня, помнишь? Не рассчитались.

— Не одалживаюсь, — прохрипел Михаил Евгеньевич. — Жаль только, мало ты тюряги похлебал, Коля, не поумнел, смотрю.

Лицо у этого Чумы-Коли вдруг прямо мгновенно покраснело от прилившей крови, исказилось от ненависти, словно его смял кто-то огромной неви-

димой рукой, и он стал задыхаться от переполнявших его эмоций.

Резко поднявшись с корточек, главарь бандитов со страшной силой размахнулся ногой и ударил в лицо Михаила Евгеньевича настолько сильно, что того отбросило на спину и кровавая юшка вылетела из его рта волной по дуге и плюхнула на камни. А Чума как озверел и все колотил и колотил ногами уже бесчувственное тело куда попало! К нему подскочили еще двое, словно дикие псы, почувствовавшие кровь, и тоже принялись бить Куликова ногами... Стеше, оторопевшей от ужаса, даже показалось, что она слышит, как они пощеньячи повизгивают от возбуждения и вида крови!

Как же страшно они его избивали! Страшно до жути!! Зверски!!

Она все снимала и снимала, сжав зубы, так, что аж желвакам стало больно, — снимала подробно, каждую деталь, приближая и удаляя картинку на экране, не отдавая себе отчета, что делает, не замечая слез, беззвучно катившихся по щекам, чувствуя, как колотится набатом в груди сердце! Она отпустила ствол дерева, за которое держалась свободной рукой, и сильно-сильно зажала ладонью рот, чтобы остановить, затолкать назад рвущийся из груди крик!

И тут к избивающим кинулся Витя.

— Прекратите! — прокричал он, ухватив одного из бандитов за руку и пытаясь оттащить его. — Что вы делаете?! Прекратите немедленно!!

И получил удар кулаком в лицо, а за ним сразу второй справа от «лося»-Быка, отлетел и упал

на землю, и тут его догнал еще один удар ногой в живот.

Но, странное дело, это вмешательство каким-то образом пробилось через озверевшее сознание главаря, и он громко крикнул:

— Не трогать этого!

И, как шавки, получившие команду от вожака, двое бандитов сразу же прекратили колотить Витю.

— Он мне пока целый нужен со Славиным разговаривать, — пояснил Чума, посмотрел на распростертого у его ног, с залитым кровью лицом дядю Мишу, плюнул на него, перевел взгляд на Витю, лежавшего чуть поодаль, и бодрым веселым тоном распорядился: — Ну что, пора пообщаться с бравым егерем! Поднимите этого. — Он кивнул на Витю. — Пусть рацию достает и связывается!

Витю подняли, подхватив под руки с двух сторон, поставили на ноги и встряхнули.

— Где рация, защитничек? — почти нежно поинтересовался Чума.

Витя кивнул на один из рюкзаков, к которому тут же поспешил тот, что его ударил первым — мелкий такой, неприятный человек, весь какой-то дерганый, — и принялся рыться в мешке, достал зеленый ящик с рацией и, подняв повыше, продемонстрировал остальным.

— Давай настраивай и вызывай, — пихнув Тюрина в спину, распорядился главарь.

Степанида перевела дух, глубоко вдохнув, затем задержала дыхание, медленно выдохнув, резким движением вытерла слезы с щек и продолжила снимать.

— Кордон, вызывает Группа-1! — начал связываться со Славиным Витя.

Василий Трофимович, когда выдал им эту радиостанцию, сразу пояснил правила и распорядок связи: никакой лишней болтовни, просто и ясно — кто кого вызывает, с какой целью; если это обычный сеанс связи — раз в день, в определенное время, то четко доложили: все в порядке, все живы-здоровы, стоим там-то, все идет по графику, и все. Если же это экстренный или незапланированный вызов, то тоже четко по пунктам: что произошло, что предпринимается и какая требуется помощь. Ну и позывные дал, назвав их «Группа-1», и пояснил, что могут еще какие-то группы отправиться в тайгу: лесники, поисковые команды, туристы, охотники, которые тоже имеют рации и могут связываться с ним, вот чтобы не было неразберихи, он их и станет нумеровать.

Ну а у него позывной один для всех — «Кордон», предложенную было Витей «Базу» Славин с усмешкой отверг, посоветовав молодому человеку поменьше смотреть кинематографических фильмов про бравых вояк.

— Кордон, вызывает Группа-1. Ответьте!

Витя Тюрин вызывал Славина уже минут десять. Чума отдал ему вполне четкие указания, как и что говорить, заставил повторить текст и только тогда позволил начать вызов.

Надо отдать должное — сволочи эти, захватившие группу, соблюдали строгую дисциплину, слушали главаря беспрекословно, с каким-то подобострастием, что ли, или страхом, и действовали грамотно, почти по-военному — «пост» наблюдателя

выставили на всякий случай, двое охраняли Аркашу, Андрея и Игоря, стоявших на коленях с поднятыми руками, сложенными на затылке ладонями, а рядом с Тюриным находился только Чума.

— Кордон, вызывает Группа-1! — повторял Витя, поглядывая на бандита.

— Здесь Кордон, — отозвалась вдруг рация голосом Славина. — Почему экстренно на связь вышли, случилось что у вас?

— Да, Василий Трофимович! — обрадовался Витя и заторопился говорить, все поглядывая краем глаза на Чуму: — Михаил Евгеньевич сорвался с утеса! Сильно разбился, есть переломы, находится без сознания! — Он перевел дыхание, глянул еще раз на внимательно слушавшего его главаря и продолжил более спокойным тоном: — Мы вчетвером могли бы его вынести, но боимся заблудиться, не очень хорошо маршрут помним. Нужна ваша помощь, чтобы вывести нас отсюда.

— Кто-нибудь еще пострадал? — спокойно спросил Славин.

— Нет. Только Михаил Евгеньевич, — и добавил, вроде как извиняясь за старика: — Оступился неудачно и сорвался с Бараньего Лба, — и повторил: — Без сознания он, но в себя приходил несколько раз, говорит: «Не выйдете сами, заплутаете». Мы вчетвером посоветовались и решили, что надо с вами связываться, сами действительно не выйдем, да и выносить его надо как можно скорей, Василий Трофимович!

— Вас понял, — ровным голосом сообщил Славин. — Через десять минут выйду на связь, сообщу решение. Все. Отбой.

— Отбой! — почти радостно попрощался Витя, снял и положил наушники на стоящий рядом открытый рюкзак.

И получил неожиданно резкий удар в лицо, от которого скатился с бревна, на котором сидел, и упал на бок. Чума, подскочив к Вите, рванул его за шиворот наверх, усадил назад и заорал:

— Тебе кто позволил от себя что-то говорить?! Я тебя предупреждал?!

— Я от страха!! — заорал в ответ Витя, втянув голову в плечи и прикрываясь рукой. — Перенервничал и текст ваш забыл!! Что я не так сказал-то?! Все, как вы говорили, только другими словами!!

Чума замахнулся, но в последний момент бить передумал, отшвырнул от себя Тюрина и уселся назад.

— Ладно, — снизошел он. — Получилось даже лучше: жалостливо и с чувством. Посмотрим, поверил ли он.

— Он ведь с кем-то совещаться будет наверняка, — осторожно заметил Витя, усаживаясь назад на бревно и вытирая бегущую из уголка рта кровь. — Сообщит кому-нибудь о происшествии.

— Да по фиг, — отмахнулся Чума. — Даже наверняка с кем-то свяжется, с эмчезниками или экстренной медициной. Но это в области, чтобы вертолет прислали или еще что, — и усмехнулся. — Да только х... это все, и Славин это знает. — И расщедрился пояснением Тюрину: — Ты думаешь, почему мы вас именно на этом маршруте пасли и взяли? Да потому что посмотри. — И он описал рукой полукруг вокруг себя. — Это гиблое место, сюда только пешочком на своих двоих и никак иначе:

рекой не пройдешь ни сверху, ни снизу против течения — пороги, транспорт любой даже не смешно, хоть БТР с танком, никто не пройдет, а вертолет не подлетит — крутые скальные холмы, обрывы, тайга, тут никакая эвакуация невозможна.

— Но ведь он кому-то сообщит о происшествии, — так же осторожно напомнил Тюрин. — И власти будут об этом знать.

— И что? — хохотнул весьма довольнo Чума. — Ты про то, что вас искать начнут и на нас выйдут? Забудь, пацанчик! — и расхохотался, аж голову откинул, посмеялся от души и благостно объяснил реалии: — Ты сводку погоды смотрел?

— Конечно, — пожал плечами Витя.

— Небольшой дождь, да? — продолжал веселиться Чума.

— Ну да, — кивнул настороженно Витя.

— Правильно. Только это здесь, а выше, в горах, ливни, а это значит сход большой воды. Да вам-то это и ни за каким ... не сдалось. Встали бы лагерем в удобном месте, а реку с высокого берега обмеряли бы. — Тут он сделал наигранно-скорбное лицо. — Да только дядя Миша ваш поломался, и теперь вы вынуждены у реки стоять и ждать помощи. Люди вы городские, для леса не приспособленные, разбили лагерь прямо у берега, чтобы пострадавшего лишний раз не тревожить, а ночью вас большой водой и накрыло, кинулись друг дружку спасать, да все и утопли, попав в непредсказуемую стихию, — и развел безысходно руками. — Тайга, тут всякое бывает. А егерь ваш, что утром пришел, тоже спасти хоть кого попытался, но пропал неизвестно где. Сгинул.

— Но... как вы... — попытался спросить Витя.

— Узнал про ваши маршруты, работу и планы? — догадался Чума и отмахнулся: — Да не смеши! Мы местные, вы приезжие, московские, в деревне на постое, да про каждый ваш чих мне становилось известно раньше, чем вы чихнули. Куда пойдете, какие задачи, маршруты, планы, дела, с кем из местных бабонек спите, да и как их оприходуete, знаю — делятся девки-то наши впечатлениями. Жаль, конечно, что начальница ваша на зимке поселилась и планы порой меняла по своему усмотрению, но не в этот раз.

Степанида боялась даже дышать громко. Чума с Витей расположились практически под деревом, на котором она сидела, и, слушая весь этот разговор, продолжая снимать, пыталась придумать, как действовать.

Все, что говорил этот мужик, было правдой, и про сход воды, превращавшийся в стихию, и про то, что сюда, кроме как пешком, никак иначе не добраться, и про то, что вертолет даже близко подлететь в эти места не сможет. А еще она точно знала, что Славин никаких помощников и службу спасения ждать не станет и сам отправится за группой. Один.

Все правильно рассчитала эта сволочь. Все правильно! Кроме одного момента!

— Группа-1, здесь Кордон. Ответьте, — раздался голос из радиостанции.

— Да! — схватив и торопливо надевая наушники, ответил Витя. — Группа-1 слушает, — и добавил: — Василий Трофимович.

— Выхожу к вам, — информировал ровным голосом Славин, — сообщите, где находитесь.

Витя быстро посмотрел на Чуму, тот кивнул.

— В районе Бараньего Лба, только отошли немного от реки в сторону, пока здесь стоим.

— Понял, — ответил Славин и распорядился: — Становитесь лагерем и ждите, найду вас сам. К утру буду. На связь выходите, если еще что-нибудь случится. Все. Отбой.

— Отбой, — тихо повторил Витя и как-то потерянно посмотрел на наушники, которые стянул с головы, перевел взгляд на Чуму и произнес: — Он придет.

— Я слышал, — хохотнул тот.

Главарь поднялся с бревна и обратился к своим браткам:

— Он идет на помощь деткам! Рыбка клюнула!

Братва отреагировала нестройным радостным матом.

— Все, сворачиваемся здесь, собираемся и уходим. Надо место найти и лагерем встать, — распорядился он, посмотрел на часы и принялся рассуждать вслух: — Так. Идти ему хорошим ходом, а он будет идти именно так, поспешит, медикамент и инвентарь небось прихватил, часов шесть-семь, а это значит, часам к десяти вечера. Не, не пойдет он по темноте, ночевкой встанет, дальше двинется по серости утречком. Значит, ждем на рассвете.

— Слышь, Чума, — окликнул его Бык, стоявший у неподвижного тела дяди Миши. — А с этим что делать? — И он пнул проводника ногой.

— Живой? — спросил главарь, направляясь к нему.

— Не-а, сдох, по-моему, — задумчиво ответил Бык «лосистый».

— Так проверь! — шумнул на подручного Чума.

Бык присел на корточки и приложил два пальца к залитой кровью шее Михаила Евгеньевича, пощупал, сделав сосредоточенное лицо, и покрутил отрицательно головой.

— Не. Дохлый.

Стеша задохнулась от этих слов, произнесенных с таким ужасающим безразличием. Дядя Миша умер? Неужели больше нет Михаила Евгеньевича? Известного Лешего? Что, действительно эти твари его убили?..

Она навела камеру на недвижимое тело, приблизила максимально картинку и все всматривалась, всматривалась в это залитое уже засыхающей коркой кровью лицо.

— Скиньте эту пададь вниз, — брезгливо скривившись, распорядился Чума и отошел в сторону.

— Моченый, подмогни! — позвал Бык кого-то из подельников.

К нему поспешил тот самый щуплый мужичок с лицом, напоминавшим крысину морду. Он казался беспокойной крысой, все присматривающейся ко всему вокруг, что-то беспрерывно вынюхивающей и нервной, находящейся постоянно в движении. Уж какой он там Моченый — не ясно, но Крысой он был точно!

Бык с Крысом этим схватили Михаила Евгеньевича за руки и потащили к краю обрыва.

— Постой! — крикнул вдруг Быку Чума, вспомнив о чем-то, и поспешил к ним, а подойдя, объ-

яснил: — Надо карманы его проверить. Он всегда патроны по карманам рассовывал.

Стешу чуть не вырвало, когда она наблюдала, как эти двое выворачивают и потрошат карманы Куликова, переворачивая его тело, как пустую никчемную куклу.

— Рюкзак-то снять? — спросил у старшего Крыс.

— Нет, — отрезал тот и добавил: — Ничего не трогайте, застегните все пуговицы и поправьте рюкзак. Патроны только возьмите.

Давясь слезами и рвущимся из глотки воем, Степанида продолжала снимать. Вот всякие мелочи — папиросы, зажигалку и спички, холстину платка, что-то еще — бандиты растолкали по карманам, из которых только что все это вытащили, застегнули все пуговицы на Михаиле Евгеньевиче и уж собрались подхватить его, когда раздался начальственный голос Чумы, стоявшего возле Вити, упаковывавшего и убиравшего радиостанцию в рюкзак.

— Поторопитесь! Да не забудьте пацанам этим руки связать. И быстрее, уходить пора!

Бык с Крысом смотрели в сторону Чумы. А Стеша продолжала снимать Михаила Евгеньевича, словно прощалась с ним, и вдруг...

Вдруг он пошевелился!!

Она сжалась вся, словно прыгать собиралась, подалась вперед, безотчетно все нажимая на кнопку приближения картинки, не понимая, что уже и так максимально ее приблизила, и всматривалась, всматривалась в тело дяди Миши!

Вот!! Вот точно!! Еще раз пошевелился! Рукой двинул!

Бандюки о чем-то переговаривались с главарем и не видели этих движений, а она, не слушая и не понимая, что они там говорят, принялась шептать, уговаривая.

— Ну, давай, давай, миленький, живи!! — все шептала и шептала она.

И увидела, как он немного сдвинулся, переместился и поменял положение ноги! Живо-о-ой!! Живой!!

И тут... Сволочи эти разговор закончили, повернулись к телу, ухватили его за руки и потащили дальше к самому обрыву. И в этот момент до Стеши окончательно дошло, что сейчас случится!

У нее отхлынула вся кровь от головы и стало холодно и страшно! И непередаваемо захотелось заорать во все горло, остановить этот кошмар!!

Бычара перехватил дядю Мишу за талию, подтащил к самому краю, выпрямился и, подтолкнув ногой, скинул с обрыва!!

Она все-таки взвыла! Не удержалась! Страшно так, утробно завывала! Смотрела, как, перекатываясь, исчезает с обрыва тело дяди Миши, словно в замедленной съемке, называемой в кинематографе «рапид», — вот чуть задержалось на самом краю на пару секунд... перевалило за край и исчезло — и она взвыла от ужаса и безнадёги черной!!

Ее спасло только то, что закричали все ее парни. Так же, как она, внимательно наблюдавшие за этой страшной казнью. Только это и спасло.

Но двое бандитов, Крыс и третий, еще никак не обозначенный ею по имени, кинулись к мальчишкам и принялись их колотить кулаками по лицам.

— Отбой! — резко остановил их Чума. — Успейте. Им еще лагерь ставить и жарчку готовить.

— Не, ну ты смотри, вот же сволочь! — весело проорал Бык, наклонившийся над обрывом и внимательно там что-то рассматривавший, повернулся к Чуме и, указывая пальцем на реку, пояснил: — Попал в карман глубокий, даже ни разу ни о какой камень не ударился! Прикинь! Один-единственный колодец глубокий, и он туда... стремнина подхватила и вниз тащит!

— Так даже лучше! — отмахнулся Чума. — Протащит по порогам, выкинет где-нибудь у «Банки», как обычно, а может, и раньше. Если зверье не схарчит и найдет кто-нибудь, факт несчастного случая налицо: и рюкзак при нем, и все вещи, а винтарь потерял — уж извини, — хохотнул он под конец этой прочувствованной речи и, резко сменив тон на угрожающе-приказной, будто пролаял: — Ну, что застыли?! Быстро встали все и вперед!! Бегом, я сказал!!

Стеша все снимала и поторапливала бандитов мысленно — ну действительно, скорей, что вы копаетесь?! Валите отсюда!! Она теперь точно знала, что надо делать! Абсолютно ясно знала!

Когда их научная группа приехала сюда и ввалилась к Василию Трофимовичу на кордон с несколько нагловатой заявкой, что они тут работать и жить собираются, Славин посмотрел так особенно, ухмыльнулся и... и почти послал. Пояснил потом, после бурного возмущения младшего научного состава экспедиции в лице трех студентов и аспиранта Тюрина, что, собственно, он-то егерь и вполне себе официальный, на должности

и окладе, да вот только кордон этот и все постройки на нем, как и большой участок земли, на котором все располагается, его частная собственность.

И поэтому кого принимать тут в гостях, а кого нет, решает только он. А министерской бумажкой, которой студенты трясли, он предложил воспользоваться с другой, более прикладной, скажем так, целью. Степанида расхохоталась от души: так понравилась ей эта спокойная отповедь сильного человека и вытянувшиеся рожи ее подчиненных. А Василий Трофимович улыбнулся ей в ответ и предложил остаться проживать у него, «встать на постой», как он тогда выразился.

Парни было дернулись, что-то там нехорошее заподозрив, он их остудил строго так, до потрохов, а Степанида с благодарностью приняла приглашение.

Дело в том, что она знала об этом человеке нечто, что было известно сильно-сильно ограниченному количеству людей, и абсолютно Славину доверяла. Для чего имелся очень, ну очень веский довод. Поверьте.

Главное, что сейчас эти вот знания о Славине давали ей стопудовую уверенность, что ни в какую ловушку, так прекрасно, как бандитам кажется, расставленную, он не попадет! Витя Тюрин, замечательный, героический парень, смог его предупредить! А уж как обыграть этих уродов и мальчишек выручить, Василий Трофимович придумает!

Обязательно! В этом Степанида была теперь уверена абсолютно!

А ей надо спешить!! Не просто спешить, нести со всей быстротой, на которую она способна!! И она все торопила и торопила мысленно бандитов, подгонявших, в свою очередь, навьюченных поклажей, как тягловые ослики, парней впереди себя, длинной цепью удаляясь в глубь лесного массива, обходя каменную гряду слева.

Когда фигура последнего бандита скрылась между деревьями, Степанида закрыла глаза и заставила себя спокойно досчитать до пятидесяти.

— Пятьдесят! — вслух закончила она счет и начала торопливо слезать с дерева.

Обдирая руки и не замечая этого, она съехала по стволу, прыгнула, прислушалась к своему телу: удачно — ноги не отбила и не подвернула. Постояла несколько секунд, прислушиваясь к звукам леса, и рванула вперед. Вытащила из расщелины свой рюкзак, стряхнула от листьев и хвои, убрала в него камеру, надела, застегнула на животе и груди фиксирующие ремни, немного попрыгала — нормально сидит: не гремит, не елозит, по спине не бьет.

«Все, все!! — подгоняла она себя! — Быстрее, быстрее!»

И побежала к реке.

Тимофей затянул завязки и застегнул свой стильный, навороченный кожаный рюкзак зашнурованный какой известной марки и стоимости соответственно. Все эти понты шумоточные и пафосные про крутые марки одежды и атрибуты богатой жизни всегда вызывали в нем только снисходительный сарказм, но справедливости ради надо отметить, что на самом деле качественные вещи —

это комфортно, в частности рюкзак удобный, в самый раз для таких вот скорых сборов и поездок. Тимофей переставил рюкзак на нижнюю полку и вышел из купе в коридор.

Это все Катька. Она обожала покупать ему дорогие фирменные вещи и всякий раз воспитывала, когда он начинал отнекиваться и ворчать по этому поводу:

— И нечего выступать! Ты себе все равно ничего не покупаешь, тебя ни в какой магазин не затащишь, ты магазины вообще не воспринимаешь, для тебя это всего лишь декоративный фон города! Кто-то же должен вещи приобретать, не в портках же дырявых тебе ходить! К тому же я на твои денежки покупаю, чтобы ты не бухтел тут лишний раз!

Ну, вообще-то его такое положение дел вполне устраивало: магазины он и на самом деле своим появлением не баловал и шопинг как таковой не воспринимал в принципе, да и не имел на него времени и возможностей. Катька же знала назубок все его размеры, вкусы и пристрастия и даже капризы в одежде, а с недавних пор к ней присоединилась и Сонька. И тащили они ему шмотье всякое из разных заграниц, да и московские бутики вниманием не обделяли.

— На фига мне столько барахла?! — негодовал Тимофей. — Мне его никогда не выносить! — И призывал: — Девки, остановитесь, я ведь не тусовочный парнишка и не бомондный бонвиван.

— Ничего! — встревала Сонька со своим «пятяком» воспитательным. — Еще никому приличный прикид не мешал. А тебе, дядь Тим, и подавно, ты